

Юлия Бирюкова

Iulia Biriukova

*(Institute of Service And Business (Branch of Don State Technical University),
Shakhty, Rostov Region, Russia)*

В новой монографии А.А. Кострюкова тщательно исследовано положение Русской Зарубежной Церкви в 1939–1964 гг., включая внутренние разногласия в среде православной эмиграции, юрисдикционные споры, административные и епархиальные преобразования, взаимоотношения с Западно-Европейским экзархатом Константинопольского патриархата и Северо-Американской митрополией, московской церковной властью и другими поместными церквями. До сих пор большая часть этих сюжетов оставалась практически неизученной, как и многочисленные делопроизводственные документы Русской Зарубежной Церкви, указы, воззвания, официальная и частная переписка её иерархов, тщательно проработанные автором монографии. Чтение книги облегчают краткие биографические сведения о часто упоминаемых лицах, именной указатель, список сокращений и уникальные фотографии представителей духовенства и некоторых архиерейских соборов. Особую ценность представляет приложение, в котором опубликовано 39 документов русской церковной эмиграции, относящихся к 1938–1959 гг.

Обозревая состояние Русской Зарубежной Церкви накануне Второй мировой войны, Кострюков отмечает, что её Синод дистанцировался от политических партий, хотя и испытывал влияние правых настроений, преобладавших в эмигрантской среде. Сохранение определённой свободы (поскольку ни одно из правительств не требовало от эмигрантов активного содействия своей политике и даже диктаторские режимы могли влиять лишь на одну–две епархии) позволяло иерархам обличать коммунистическое государство и религиозные гонения в СССР (с. 61–62). Между тем начало Второй мировой войны заметно ослабило связи Зарубежного Си-

нода с епархиями. Созванный в этих условиях в 1939 г. Архиерейский собор оказался малочисленным, что не помешало ему принять ряд важных административных и идеологических решений и, в частности, признать вел. кн. Владимира Кирилловича вождём русской эмиграции (с. 83–85). Вследствие расширения рейха и увеличения территории Германской епархии (главным образом за счёт приходов Западно-Европейского экзархата, которые, впрочем, как показывает автор, обладали довольно большой самостоятельностью) статус её главы был повышен сначала до архиепископа, а затем до митрополита (с. 64–65). При этом отношение к РПЦЗ в Германии было неоднозначным: если Министерство церковных дел ей покровительствовало, то Главное управление имперской безопасности и руководство национал-социалистической партии стремились ограничить её влияние, наметив в будущем её ликвидацию (с. 70). Связь с епархиями, находившимися на территориях Японии и Китая, у Зарубежного Синода, пребывавшего в Югославии, несколько лет практически отсутствовала.

Несмотря на то, что гитлеровское руководство проводило свою церковную политику, стараясь, по возможности, расколоть поместные православные церкви, Архиерейский Синод Зарубежной Церкви достаточно смело выступал против таких попыток. Так, руководство РПЦЗ в годы войны возражало против предоставления автокефалии церковным структурам в Польше и на Украине, а также организации по решению хорватского диктатора А. Павелича неканоничной Хорватской православной церкви. Архиепископ Гермоген (Максимов), которому в силу ряда причин пришлось её возглавить, подвергся со стороны Русской Зарубежной Церкви прещениям (с. 74–77). Тревожило

церковную эмиграцию и то, что на присоединённых к СССР землях Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики создавались крупные экзархаты, а местные архиереи фактически устранялись от управления своими епархиями (с. 78–79). В этих условиях некоторые иерархии РПЦЗ выражали надежду на свержение большевиков и освобождение Церкви силой германского оружия, в то время как другие считали победу Германии катастрофой (с. 86–87). Так или иначе, как доказывает Кострюков, благословения гитлеровскому режиму Архиерейский Синод не давал и об одобрении нацистской политики никогда не заявлял.

По-разному относился зарубежный епископат и к избранию московским патриархом митрополита Сергия (Страгородского). Глава РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) видел в нём ставленника атеистической власти, но иные авторитетные иерархи – митрополит Феофил (Пашковский), архиепископы Виталий (Максименко), Тихон (Троицкий), Леонтий (Туркевич) и некоторые другие не считали это достаточной причиной для непризнания его патриаршего достоинства. Прошедшее в Вене в 1943 г. под председательством митрополита Анастасия Архиерейское совещание, созванное по инициативе Главного управления имперской безопасности Германии, объявило возведение митрополита Сергия на патриарший престол неканоничным политическим актом (с. 111). При этом, демонстрируя свою независимость, участники совещания не позволили немецким офицерам находиться в зале заседаний. Одобрив ряд решений, направленных на борьбу с большевизмом, они также критиковали то, как германские власти обращались с рабочими, вывезенными из России в Германию (с. 108–109).

Отношение РПЦЗ к патриарху Александрию I было ещё более враждебным. В Зарубежной Церкви его рассматривали как человека, готового выполнять волю безбожного руководства (с. 113–115). Это отразилось и в документах состоявшегося в 1948 г. съезда Западно-Европейской епархии РПЦЗ, и в прессе. В это время в эмиграции распространилось мнение, что патриарх Сергий, в отличие от своего пре-

емника, шёл на компромиссы ради Церкви, не ища личной выгоды. Особое неприятие за рубежом вызывали славословия Александрия I в честь Сталина (с. 115). Вместе с тем восстановление структур церковного управления в Москве, разгром Германии и неопределённость дальнейшей судьбы Зарубежного Синода способствовали началу воссоединения эмигрантского духовенства и Московской патриархии, позиции которой постепенно укреплялись (с. 168–169). Однако присоединение к ней Западно-Европейского экзархата в 1945 г. оказалось временным, не состоялось и намечавшееся объединение с Северо-Американской митрополией, желавшей, как выяснилось, полной независимости (с. 247). Значительная часть эмиграции, дорожившая принципами церковной свободы и нормами, заложенными Поместным собором 1917–1918 гг., считала более естественным подчинение константинопольскому патриарху. Активная просоветская агитация сторонников Московской патриархии вызывала раздражение за рубежом (с. 213, 219).

Между тем изменение политики по отношению к Церкви в СССР в период Великой Отечественной войны оказалось призрачным: «Предоставив Церкви видимость внешней свободы, государство стремилось сделать всё, чтобы она не выходила из-под контроля и при этом верно служила властям» (с. 222). Открыв в 1943–1947 гг. около тысячи храмов, власть к 1953 г. вновь закрыла почти столько же (с. 220–221). Функции «Союза воинствующих безбожников», прекратившего своё существование, перешли к «Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний». Уже в послевоенные годы были арестованы митрополит Нестор (Анисимов), архиепископы Антоний (Марценко) и Вениамин (Новицкий) (с. 221). Всё это разрушало надежду на реальное улучшение положения Церкви в СССР. Более того, с 1958 г. гонения вновь усилились, а контроль государства над органами церковного управления стал ещё жёстче. Соответственно, и духовенство Московской патриархии, служившее в Западной Европе и Америке, не пользовалось доверием правительств, видевших в этих священниках советских шпионов и

создававших для них массу препятствий. Неудивительно, что к концу 1940-х гг. и особенно после переезда Зарубежного Синода в США в 1950 г. РПЦЗ начала стремительно возвращать свои былые позиции.

Потребность в независимой Зарубежной Церкви среди эмиграции действительно была велика. В 1956 г. Архиерейский собор принял «Положение о Русской Православной Церкви за границей», определившее принципы её внутреннего устройства. Однако растущее недоверие к иерархам Московского патриархата (и особенно к архиереям, поразительно быстро делавшим церковную карьеру) и их просоветским выступлениям на международных форумах (например, на Родосском совещании) становилось проблемой для самой РПЦЗ (с. 284–287). Постепенно она стала считать себя «чистой Церковью», голосом свободной части русского православия, обличающим ложь коммунистического государства, подчинившего своей воле «осквернённую» Московскую патриархию. Сотрудничая с коммунистами (отрицая преследования, защищая советскую идеологию, служа панихиды о упокоении Сталина), патриаршая Церковь уже не воспринималась как гонимая. За рубежом даже появилась иллюзия, будто в России существует и «чистое» православие – оппозиционная «Катакомбная церковь». Соборно заявляя о неканоничности патриархов Сергия и Алексия, РПЦЗ начала принимать клириков, переходивших из их юрисдикции, через покаяние. Ни о каком воссоединении в такой обстановке не могло быть и речи в силу явной идеологической несовместимости. При этом официальные отношения поместных церквей с Москвой, а также споры о церков-

ном календаре и экуменизме выталкивали РПЦЗ на периферию мирового православия. Вместе с тем и действия Московской патриархии, по мнению автора, «только углубляли пропасть между частями русского православия» и должны рассматриваться «в контексте богоборческого порабления», поскольку с их помощью советское государство стремилось взять в свои руки «кадровую политику зарубежных церковных структур» (с. 330–331).

Конечно, некоторые авторские суждения и оценки представляются спорными. В частности, говоря о деятельности патриаршего экзарха в Америке митрополита Вениамина (Федченкова), автор находит её просоветской, и полагает, что позиция владыки отнюдь не была аполитичной (с. 201–204). Однако подобные обвинения трудно признать достаточно обоснованными и убедительными, поскольку ни логика действий митрополита Вениамина, ни изменение его отношения к Северо-Американской митрополии в книге не анализируются. Но в целом монография А.А. Кострюкова – насыщенное документами и фактами, оригинальное и предельно честное исследование, раскрывающее мотивы действий иерархов Русского Зарубежья, позволяющее лучше понять их падения и взлёты. Его необходимо учитывать, размышляя не только о судьбах эмиграции, но и о том, какую цену пришлось заплатить Церкви в России за право на существование и насколько оправданным оказалось превращение её управленческих структур в орудие советской внешней политики, всё же позволявшее, при всей сложности отношений с государством, иногда дистанцироваться от власти и защищать интересы верующих.